Куор В. И.,*старший преподаватель кафедры украинского языка и славянской филологии
ГВУЗ «Приазовский государственный технический университет»*

«ПОЭТИКА» АРИСТОТЕЛЯ И КОНЦЕПЦИЯ ПАМЯТИ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Анотація. У статті досліджуються загальнолюдські моменти та погляди на основні положення естетики Аристотеля. Разом із геніальними поемами Гомера, трагедіями Есхіла, комедіями Аристофана зберігся твір, що допомагає нам краще зрозуміти й оцінити ту поетичну спадщину, яка залишена нам класичною Елладаю. Цей твір Аристотеля «Про мистецтво поезії», або, як його називають, зберігаючи грецький термін, «Поетика». Автор пропонує подвійне судження про «Поетику»:

а) апеляція до категорії пам'яті дозволила філософові дійти своєї основної тези – поезія говорить більше про загальне, історія – про одиничне;

б) сама поетика стає ніби компонентом ширшого універсального поняття – загальнолюдської пам'яті.

І насправді, перед нами живе, те, що зберегло крізь час безпосередність і свіжість сприйняття, твір, який і в наш час може служити вступом до теорії поетичного мистецтва. Вимоги, що пред'являються Аристотелем до художників слова, допомагають досліджувати закони, що керують художньою творчістю. А сфера дії їх зовсім не обмежується стародавнім світом, суть їх залишається непорушною, при усьому різноманітті світової літератури, тому що Аристотель вважає істинним сенсом мистецтва людське життя, живу дійсність, яка є матеріалом і зразком для художника. Саме такий за своєю суттю правильний загальний погляд Аристотеля на мистецтво, на особливості поезії та різних жанрів поетичної творчості й представляє для нас найбільшу цінність. Отже, «Поетика» Аристотеля залишається для нас єдиною пам'яткою класичної епохи Греції, присвяченою систематичному викладу питань словесної художньої творчості, або теорії поезії. Основу поетичності Аристотель бачить не в зовнішніх формальних ознаках (віршована мова тощо), а в особливій, творчій організації життєвого матеріалу за вимогами вірогідності й необхідності.

У статті подається диференційований підхід до пам'яті індивідуальної людини і загальнолюдської пам'яті. Перше – це динамічне поняття, друге, – статичне, але таке, що розвивається разом із історією. Поетика стала наріжним каменем усієї європейської естетичної думки. Без неї не може обійтися кожен, хто хоче зрозуміти природу мистецтва.

Ключові слова: категорія пам'яті, загальнолюдська пам'ять, гармонія світу, космос, ціле, можливе, загальне, мистецтво.

Постановка проблеми. Поет – як видно из всего учения Аристотеля об искусстве поэзии, а не из отдельных только фраз и слов – должен не документально воспроизводить действительность, а путем анализ отдельных явлений, обобщать их и раскрывать их сущность.

Наряду с основными толкованиями «трагического очищения» существует множество отдельных попыток объяснения слова «катарсис» и решения связанной с ним проблемы

«Поэтики» Аристотеля. Как сказал Гете: «Под катарсисом он понимает именно эту умиротворяющую завершенность, которая требуется от любого вида драматического искусства, да и от всех, в сущности, поэтических произведений» [1, с. 686].

Анализ последних исследований и публикаций. «Первым знакомством с «Поэтикой» Аристотеля русские читатели обязаны В.К. Тредиаковскому, который использовал её в своем «Мнении о начале поэзии и стихов вообще». Систематическое изучение поэтики было начато профессором С.П. Шевелевым в его докторской диссертации «Теория поэзии в историческом развитии древних и новых народов», а в 1854 г. вышел первый перевод «Поэтики» на русский язык, сделанный прекрасным знатоком греческого языка Б.И. Ордынским», – считает Ф.А. Петровский [2, с. 160].

Из современных исследователей следует остановиться на авторитетной статье В.П. Шестакова: «На развитие эстетических воззрений ренессанса огромное влияние оказало открытие «Поэтики» Аристотеля. Благодаря этому событию в Италии, а в последующем и в других странах появилось огромное число сочинений, посвященных теории драмы и поэзии» [3]. Следует сказать о статье В.Ф. Асмуса «Реализм в эстетике Аристотеля», напечатанную в журнале «Театр» в 1939 г.

Цель статьи. На основе литературоведческого анализа «Поэтики» Аристотеля и определяющего значения категории памяти на основные эстетические умозаключения прийти к выводу, что общечеловеческая память в ее категориальном проявлении является предметом рассмотрения не только философии, но и литературоведения.

Изложение основного материала. Общеизвестным считается мнение, что первым категорию памяти стал разрабатывать Аристотель. Действительно, в «Метафизике» он сказал: «Появляется опыт у людей благодаря памяти: ряд воспоминаний об одном и том же предмете имеет в итоге значение одного опыта... Появляется же искусство тогда, когда в ряде усмотрений опыта установится один общий взгляд относительно сходных предметов» [4, с. 223].

Если внимательно присмотреться к структурно – содержательной целостности его «Поэтики», то становится вполне очевиден этот «ряд воспоминаний об одном и том же предмете», причем для каждого раздела. Точнее – понятие, о котором ведет речь философ, в том или ином разделе является не просто априори сказанным, но имеет в основе своей анализ того или иного «ряда воспоминаний».

С этой точки зрения нам представляется возможным двоякое суждение о «Поэтике»:

а) апелляция к категории памяти позволила философу прийти к своему основному тезису: «поезия говорит более об общем, история – о единичном»;

б) сама «Поэтика» как бы становится компонентной более широкого универсального понятия – памяти общечеловеческой.

Аристотель не просто открыл подражательную природу искусства, – он точно указал на предмет подражания в истинно художественном произведении – не человек, но действие. Попутно отметим, не отступление ли от этого принципа увело нашу современную литературу на задворки истинной художественности?

И здесь мысль философа апеллирует к категории памяти. Уже стало хрестоматийным: «Задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости». Даже беглый лингвистический анализ фразы показывает, что Аристотель не считал синонимами понятия «возможность» и «вероятность», более того, он усматривает семантическую зависимость второго понятия от первого, – поэтому он как бы «оттеняет» «вероятность» «необходимостью».

«В трагедии же – утверждал философ, – придерживаются имен, взятых из прошлого: причина этого та, что вероятно (только) возможное». И здесь же: «А возможность того, что не случилось, мы еще не верим, но что случилось, то, очевидно, возможно, так как оно не случилось бы, если бы, если бы было невозможным» [5, с. 68].

Говоря об определяющем значении категории памяти на основные эстетические умозаключения «Поэтики» Аристотеля, следует коснуться и, так сказать, скрытой части айсберга. Ну вот казалось бы, как можно соотносить с памятью такое утверждение... Целое есть то, что имеет начало, середину и конец» [5, с. 62]. Иными словами, он утверждает, что трагедия подражает действию «целому и законченному». А уже в 23 главе дает поразительное уточнение (мы уже отмечали, что предмет подражания – по Аристотелю – действие, не человек), – здесь же: действие – а не время, Поэзия «не должна походить на обыкновенные повествования, в которых неизбежно является не одно действие, а одно время – все, что случилось в это время с одними или многими и что имеет между собою только случайные отношения». Иными словами, не только память (а здесь время синоним памяти), а память, осмысленная художником, осмысленно отбирается им.

Общеизвестно, что в своей ожесточенной полемике против теории «идей» Платона Аристотель в основном выдвинул четыре возражения. Третье возражение Аристотеля, по словам В. Асмуса, «основывается на рассмотрении платоновского учения о логических отношениях «идей». Это, во-первых, логические отношения между самими «идеями» и, во-вторых, отношения между идеями и чувственными вещами». Согласно Платону есть чувственный человек и есть «идея» человека, или так называемый «второй человек». Из этого следует, что существует мир отдельных чувственных конкретных вещей и мир второй, мир «идей», вполне самобытный, точнее – самобытный.

Однако Платон необходимо допускал и существование еще одной синтезирующей «идеи» человека, стоящей над этими двумя и базирующейся на общем между первой «идеей» и чувственным человеком. Впоследствии это было названо «третьим человеком».

Если предположить, что категория общего, отличенная нами, является в нынешнем понимании творческим абстра-

гированием от конкретного, то получается, что «третий человек» есть не что иное, как воссозданный образ человека. И на наш взгляд, Аристотель в «Риторике» и «Поэтике» /поэтическая философия/ ведет речь именно о таком человеке, воссозданном чувственным сознанием человека-творца.

Ведь в художественной аналитике человек предстает как бы в 3-х ипостасях: человек изображающий /чувственный человек/, человек изображаемый /самобытный мир «идей»/ и человек изображенный /»третий человек» суть образ/. Нам видится, что Платон в своей теории «идей» все-таки усматривал в этом если не триединство, иначе Аристотель бы понял это, то во всяком случае /за счет общего/ – некоторые элементы общности или единения... Эти философы полагают, – пишет Аристотель в «Метафизике», – что из одной материи происходит многое, а Эйдос рождает нечто только один раз, между тем совершенно очевидно, что из одной метрии получается один стол, а тот, кто привносит Эйдос, будучи один, производит много /столов/» [4, с. 223]. Однако здесь мы не видим как раз «третьего» стола, точнее образа этого стола.

Как изменился человек со времен эпохи эллинизма и до наших дней в своем отношении к миру и Вселенной – это вопрос отдельного рассмотрения. Человек стал более мыслить социальными категориями. Однако/ мыслить можно даже экономическими и прочими категориями, но чувствовать – только человеческими, в идеале, точнее в вершинном варианте – общечеловеческими. Разумеется, за столько лет разум человека расширил и углубил, так сказать, сферу своего приложения, но с другой стороны, – там, где есть безобразное, всегда блистает красота, а покуда в мире есть зло, с ним всегда будет сражаться добро. Иными словами, гармония мира нам видится не состоянием этого мира, а непрерывным процессом его обновления, в основе которого лежит постоянное взаимодействие четких этико-эстетических полюсов: красивого – безобразного, добра и зла, правды и фальши, истины и лжи.

Общечеловеческое нами понимается не только как «нечто», свойственное и понятное всем людям, а намного шире: мы соотносим это «нечто», во-первых, со всеобщей гармонией мира (гармоническая взаимосвязь «человек – природа», «природа – человек»), во-вторых, мы соотносим весь всемирно исторический опыт человечества с гармонией Космоса, – ведь индивид общечеловеческой доминанты задолго до освоения космоса бессознательно, но показывал, понимал и мыслил себя как его неотъемлемую частичку, например, в мирфологии это Орфей, Пигмалион, Икар, Кентавр; в истории – Гераклит, Джордано Бруно, Галилей, Аввакум; в теологии – Соломон, Ной, Заратустра; в литературе – Хайям, Шекспир, Сервантес; в живописи – Леонардо да Винчи, Рафаэль и др. Что касается искусства, то здесь творцы соотносятся с общечеловеческим зарядом их творений: Пигмалион – Галатея, Шекспир – Гамлет, Сервантес – Дон Кихот. Отметим, что все приведенные нами ряды номинаций открыты, т.е. перечень не исчерпан.

Память как свойство индивида образно воссоздавать прошлый опыт есть работа нервно-психологического аппарата этого же индивида, здесь налицо явная процессуальность, и как-то исподволь стало общепринятым считать память категорией, более относящейся к психологии, нежели к философии. Общечеловеческая память в ее категориальном проявлении, на наш взгляд, должна быть предметом рассмотрения не только философии, но и литературоведения.

Адресуясь к вечным общечеловеческим категориям (Красота, Любовь, Жизнь, Добро, Гармония), память каждого индивида осмысливает их по-своему, соотнося их с множеством конкретных лиц, с одной стороны, с их полярными общечеловеческими эквивалентами, с другой (безобразное, ненависть, смерть, зло). Именно поэтому нельзя трактовать общечеловеческую память как некую коллективную память, но и не следует отождествлять ее со всемирным опытом человечества.

Мы склонны дифференцировать память человека и общечеловеческую память прежде всего по их процессуальности. Первое – явление явно процессуальное (запоминание-хранение-воспроизведение), второе – более статичное, – это как бы всеобщая кладовая человечества, из которой ничего не пропадает, а, напротив, она разрастается вместе с историей. От этой истории общечеловеческая память отличается еще и тем, что она исключает из себя возможность своей пространственно-временной трактовки, ибо где начинается такое толкование, – это уже сама история, а она никогда не была общечеловечески объективной, т.к. всегда помножалась на политику.

Обратимся к примеру к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Трудно отыскать героя, которого можно было бы однозначно истолковать. Не составляют, на наш взгляд, исключения даже такие взаимоисключающие образы, как Смердяков и Алеша. Здесь нам представляется возможной такая схема анализа: «тезис – антитезис». В качестве отправного постулата к анализу образов Дмитрия и Алеши нам видится мефистофельское «хочет зла, а делает лишь добро». Смердяков – Иван Карамазов: «для бога не существует закона» (для черта – тоже). Что же касается женских образов и самого Федора Павловича, то здесь нам видится уместной та же схема, суть которой уходит в века, а в романе ее сформулировал Митя: «Я тебя ненавижу любил, а ты меня – нет!» [6, с. 377].

Выводы. Иными словами, под общечеловеческой памятью мы понимаем наличие конкретных исторических или вымышленных лиц и их действий в зафиксированных человеком источниках, ценность которых определяется не временем, а человеком во времени, исходя из возможности или невозможности их однозначной оценки.

Посему мыслится правильным, что применительно к литературе и литературоведению возможны изображение и анализ лишь отдельных компонентов этой памяти.

Литература:

1. Гете И.-В. Собрание сочинений : в 13 т. Т. 10. Москва, 1937. С. 686.
2. Петровский Ф.А. Комментарий к «Поэтике». Москва, 1957. С. 157–160.

3. Шестаков В.П. «Поэтика» Аристотеля и теория поэзии : вебсайт. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/shestakov-poetika-aristotelya.htm>.
4. Аристотель. Метафизика. Кн. 13. Гл. 3. Москва, 1934. С. 223.
5. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. Москва, 1957. 157 с.
6. Достоевский Ф. Братья Карамазовы. Харьков, 2012. 474 с.

Kior V. Aristotle's "Poetics" and the concept of memory: literary aspect of analysis

Summary. The article represents an investigation of a series of general human moments and views regarding the main aspects Aristotle's aesthetics. Beside Homer's poems, the works of genius, Eshkol's tragedies and Aristophanes' comedies there remained an artwork that can help us understand and evaluate better the poetic legacy, which was left to us by the classical Hellas. This is Aristotle's work: "On the art of poetry", or "Poetics", to preserve the Greek term. The author suggests a dubious assertion regarding "The poetics":

a) an appeal to the category of memory allowed the author to reach its principal thesis – poetry speaks of the general, history – of the singular;

b) the poetic itself becomes a kind of a much wider universal notion of the memory of the mankind.

And in fact we are facing the living work, that has preserved in time its freshness and directness. Nowadays it can serve as an introduction into the theory of poetic art. The requirements that Aristotle set before the literary masters help to investigate the laws that govern the art. Their domain is not limited by the ancient world, their essence remains unchanged, despite the multitude of the world literature, because Aristotle considers the human living to be the actual content of art, i.e. the living reality which is a material and a sample for an artist. Such Aristotle's general concept of art and especially of poetry and various genres of poetic creativity, true in its essence, seems to be of great value for us. Thus, Aristotle's "Poetics" remains the one and only monument of the epoch of classical Greece, devoted to systematic representation of the issues of verbal artistry or the theory of poetry. Aristotle sees the foundation of poetry in a special creative organization of living material, according to requirements of probability and necessity, rather than in formal, outward signs (poetic speech et al.).

The article represents a differentiated approach to memory of an individual and memory of the entire mankind. The first is a dynamic notion; the second is but a static one, developing with history. Poetics has become a cornerstone of the entire European aesthetic thought. Anyone, who is eager to understand the nature of art, cannot do without it.

Key words: category of memory, memory of mankind, world harmony, outer space, the whole, possible, general, art.